

— Вначале появилась «Русская песня» или Надежда Бабкина?

— Вначале появилась Надежда Бабкина. И когда я появилась на свет, уже точно знала, что буду артисткой.

— Откуда вы родом?

— Родилась в Астраханской области, в Черном Яру, недалеко от него была деревушка Зубовка. Папа занимал ответственные должности в сельском хозяйстве. Мама учительствовала.

В роду у нас артистов не было. Но к искусству все тянулись. Когда собирались Бабкины — устраивали маскарады, а мы, дети, прятались на русской печке и из-за занавески подглядывали, какие игры затевались, какие наряды надевались. Отец всегда собирал вокруг себя людей. Он знал казахский и чеченский. Он говорил: «Надя, жизнь заставит, на всех языках заговоришь».

Родители прочили мне медицину. А я втихую поступила в музучилище. Дома думали, что я в мединституте учусь, только на втором курсе все открылось.

Учась в музучилище, участвовала в конкурсах и фестивалях. Тайком подрабатывала в ресторане. Там была особая атмосфера. Собирались музыканты (у нас был такой «сейшн»). Я пела джаз, современные песни, романсы. Мне аплодировали, угощали шоколадом. Я была счастлива.

А в один прекрасный день меня подкараулил директор училища, и тут же меня отчислили. Но через месяц был какой-то конкурс, и меня восстановили. Я заняла первое место. Потом снова отчислили. И так несколько раз. У меня было меццо-сопрано, я должна была петь арии из опер. А я в коридор выходила и затягивала русскую народную. Педагогиня бежала к директору училища: посмотрите, что она делает, я с ней занимаюсь, а она себя губит, не буду ее

«ВНАЧАЛЕ ПОЯВИЛАСЬ НАДЕЖДА БАБКИНА»

Любую песню, а тем более русскую народную, нужно не петь, а показывать, играть, продышать песню так, чтобы дух захватывало, и тогда в нее поверят

учить! Но все завершилось благополучно. Астраханское училище я закончила. Мне поставили троечки с натяжкой и сказали, что я профнепригодна. Спасибо начальнику управления культуры, который вручил мне направление и сказал: «Езжай в Москву, цепляйся, где хочешь».

И я рванула в Москву. Мне нравилась Зыкина, я полюбила Русланову, Мордасову, сестер Федоровых. Русский народный жанр был в огромной популярности, чего не скажешь о сегодняшнем дне. А ведь русская песня — это больше, чем просто жанр, песенное творчество окружено ореолом человеческих судеб, песня сплавляла, мирила людей.

— Может, экстремальность ситуации подталкивала к песне, как к отдушине?

— Нет, не-е-ет. Я же помню, как я росла. Экстремальность может быть год-два, но не 70 лет. Это ерунда. Увы, сегодня правительство не сильно беспокоится о талантах, как будто таких людей море. Их горсточка. Но с их помощью можно решить проблемы на высочайшем уровне, минуя распри и ненависть.

— Мы несколько увлеклись политикой...

— Потому что все взаимосвязано. И я не могу молчать и притворяться, что русское искусство может оставаться вне политики. Это чушь. Все в политике. И деятели культуры могут воздействовать на ситуацию. Честно скажу: мне жаль, что Союз распался. Все оборвалось, закончилось как-то неожиданно...

Но вернусь к своей судьбе. Приехала я в Москву, поступила в институт Гнесиных, где усиленно заполняла пробелы в знаниях, полученных на периферии. И наверстала все в течение года. А на втором курсе института я работала уже в московской концертной организации певицей. Пела соло с оркестром, ездила на гастроли, совмещала работу с уче-

бой. Записала три сольные пластинки. Участвовала в правительственных декадах, выезжала за границу. А где-то на 4-м курсе пришла идея создать ансамбль. Мы пытались соваться на конкурсы, но терпели фиаско.

— Может, мэтрам от искусства были не нужны конкуренты?

— Конкурентов было немного. Ансамбль Мити Покровского тогда только создавался. Сестер Федоровых уже не было. А интриг — их и сейчас хватает. Кто-то распускает среди музыкантов слухи, что Бабкина в музыке ничего не понимает. Удивительно. Закончила (не считая училища) три высших музыкальных заведения: отделение дирижеров-хоровиков Гнесинки, там же, но через три года, — вокальный, а также режиссерский — ГИТИСа. И судить о том, понимаю я или не понимаю что-то в музыке, — время прошло. Есть ансамбль «Русская песня». И направление, предложенное мной, существует. Оно дает возможность индивидуальной интерпретации песни, возможность импровизации, развития жанра русской песни так, чтобы она была современна.

Ведь сегодня (это показала жизнь) необходимость в больших хорах отпала. Сейчас необходимы камерность, мобильность. Были же когда-то придворные театры из крепостных актеров. Такие коллективчики создавались спонтанно: собрались — и в работу. А хоры в 150 человек — надуманны и искусственны. Никто ведь в деревнях не раздувал хороводы. Они были небольшими, да и в горницах собирались по пять-восемь человек: интимность, компактность придавали особый настрой.

— Может быть, потому «Русская песня» и существует столь долго?

— Наверное. Уже 17 лет «Русской песне». Четыре года назад на базе ансамбля я создала центр «Русская песня». Давно мечтала об

Надежда БАБКИНА:

могут раскрыться лишь в ансамблевом пении, и в этом их ценность. Соло в этом ансамбле пою я, и то пою совершенно в другой манере, чем ансамбль.

В разное время уходили из ансамбля партнеры. Ну и что? Тишина. Ау, где вы? Зачем делать «как Бабкина»? После меня — все это вторично.

— Как вы считаете, в чем проявляется ваш почерк?

— Сразу и не скажешь. Я добиваюсь, скажем, такого звучания, которое воздействует на слушателя физиологически, понимаете, до мурашек. Это как в самолете: попадаешь в воздушную яму. Объяснить одним словом не могу. Но я знаю, слышу, чувствую, когда подступит эта «воздушная яма». Это редко кому удается. «Русская песня» уникально поет лирику.

— Может, исполнительницы, которые от вас ушли, захотели сами побывать в «воздушной яме»?

— Ушли — значит исчерпали себя. Не выдержали жизненного марафона. А не поспевашь — в сани не садишься. Я стремлюсь вперед. Предлагаю — летите со мной. Нет? Так не висните же на руках. Человек я не жестокий, и мне жаль происшедшего, но я всегда требую, чтобы артист был артистом, а не кухаркой. И внешне пригож, и изнутри. А то гвалт стоит: друзьям-мужьям нравится, как поем. Ну так и пойте для них. А мы работаем на миллионы зрителей, и я хочу, чтобы нас слушали везде.

— Может, ваши лавры не дают покоя? Пели вместе, а на слуху лишь Бабкина?

— Да ради Бога. Зависть? Мне завидовать? Моей бедотне по административным делам? Да, пели вместе, но работала-то я одна. Это разные вещи — петь и работать. Пойте и радуйтесь, что свободны от административных дел.

Завидовать тому, что вокруг меня всегда молодежь? Так и должно быть. Молодость надо холить и лелеять. А придет время — отойди в сторону, уступи место молодым. Однажды и мне придется это сделать. Будет больно, но я себя увижу в ряду стоящих девушек, которые сегодня с нами поют.

Проблем много. Государству мы не нужны, деньги не выбьешь. Новых Дягилевых и Морозовых не видно, правительство на культуру выделило ноль целых. Надо и костюмы шить, и базу арендовать, и зарплату выплатить, одна дорога чего стоит!.. Иногда думаешь: ну, зачем тебе все это надо? Посмотри, говорю себе, как ты живешь: две комнатки в хрущевке, втроем — не разбежаться, в дом пригласить — стыдно. Недавно написала Юрию Лужкову письмо: реагирует или нет, не знаю. Может, я что-то и переоцениваю, но, простите, сегодня я имею право что-то потребовать для себя. За моими плечами 23 года творческой деятельности. Я знаю, как это тягло тянуть, чего это стоит.

— Расскажите о сегодняшнем составе «Русской песни».

— В «Русской песне» всегда было женское начало. А ребята привносили свои неповторимые краски. Отсюда многообразие оттенков голосовых, тембральных. Среди нас сегодня: Таня Саванова, хормейстер и певица, с первых дней создания ансамбля, она москвичка; я — волжская казачка; Коля Кузмич — из Архангельской области; Володя Левашов — из Подмоскovie, но корни в Рязанской области; Геннадий Шалунов — «мы псковские». А Лена, Марина, Алла, Наташа — студентки института Гнесиных. Мы с ними договорились честно: будет перспектива — пусть летят с нами, нет — расстанемся без обид. Так что, сами видите, из-за чьего-то ухода трагедии нет.

— Вас семья видит дома?

— Это я ее не вижу. Она меня видит. По телевизору. Мечусь с утра до ночи: съемки, студии, эфир на радио, ночные монтажи... Еду и думаю, что, где, как надо сделать.

— Вы за рулем?

— Уже 15 лет. Как застряну в пробках — минуты часами кажутся. А дома муж, музыкант. Сыну Даниле 18-й идет. Прекрасно рисует, у него музыка проявляется через рисунок, этого я не умею делать. Учусь сейчас в колледже архитектуры и строительства малых форм и предприятий... что-то в этом роде. И еще член семьи — коккер-спаниель Марсель. Хозяйка я никудашная, в магазины хожу крайне редко. Данилка в квартире убирается.

Вот вам и Бабкина. Так что никогда никому не верьте, что «Русская песня» умолкла. Она вечна. И ничто ей не помешает приносить людям радость.

Беседу вел Григорий АРУТЮНЯН.
Фото Леонида ШАРАПОВА.